

*Эта книга нашептана мультикультурным хором
внутренних голосов различных политических
взглядов, верований, ориентации, гендеров
и идентичностей, переть против которых,
по внутреннему ощущению автора,
выйдет себе дороже.*

Часть первая

САТУРН
ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

ИАКИНФ

J'ai demande a la lune
si tu voulais encore de moi¹.

Indochine

Тимофей был самым социально продвинутым из четверых — подвизался на телевидении говорящей (или просто презрительно щурающейся в камеру) головой: хмурился на центральных утюгах, с доброй надеждой выглядывал из утюжков, которым мы еще верим, шалил на интернет-утюжатах.

Он не был, что называется, фронтменом или энкором. Но хоть его телевизионная функция была ролью второго или даже третьего плана, она часто делала всю игру. Во время жарких дебатов о том, по какому пути пойдет дальше гражданское общество (и пустит ли его туда общество в погонах), Тимофей глядел сквозь экран глазами с красивой поволокой — и бросал иногда в микрофон несколько железных слов, облитых горечью и злостью: эдакий Лермонтов двадцать первого века, переключившийся на общую прокачку стиля.

Стиль у него, несомненно, был: элегантность Тимофея доходила до того, что его принимали за гея (он,

¹ Я спросил луну, чем еще я могу быть ей полезен (*фр.*).

конечно, не обижался, но всегда разъяснял, что это ошибка). Четкой и яркой телеиндивидуальности у него пока не выработалось — рядом с ним всегда отсвечивало еще несколько таких же Тимофеев, с которыми его путали. Скорее всего, его исход из эфира прошел бы незамеченным. Но все еще было впереди, впереди...

Андрон был банковским брокером.

Друзья слышали от него только само это слово — про тайны своей работы Андрон рассказывал еще меньше, чем Тимофей.

На вопрос «Как там дела?» он обычно отвечал жестом: делал круглые глаза и дергал головой назад, как бы указывая затылком на что-то огромное, быстро и опасно вращающееся прямо у него за спиной, о чем лучше не говорить вообще, потому что оно может навестись на звук, подкатиться и мигом разорвать в клочья. Ясно было одно — Андрон работает в области высоких энергий и мгновенной ответственности за базар.

Спускаясь в мир из своего, как он выражался, «фильма ужасов», он снимал галстук и преображался в московскую версию большого Лебовского: мягкого и как бы неуклюжего добряка — хайратого, накуреного и небритого. Он сознательно поддерживал это сходство и с удовольствием откликался на обращение «dude». Но за плюшевым хипстерским фасадом скрывалась негибкая воля: каждое утро в семь ноль-ноль он укладывал свой длинный хайр в воинский пони-тэйл и шел на жизнь, на бой, на рынок.

Иногда он делился с друзьями эзотерическим биржевым юмором: например, показывал им выложенный Илоном Маском в твиттере черно-белый клип с песен-

кой шестидесятых годов про «Short shorts». Для друзей это были просто «короткие шорты» — и Андрон, раздражаясь на чужую тупость, начинал объяснять, что Маск изящно рефлексировал по поводу игры на понижение: ее вели против него американские инвесторы-пираньи, а он в ответ поставил их на целый *ярд гринá* одним-единственным твитом про саудовский выкуп акций, и эта шутка стала с тех пор трейдерским мемом. Правда, Андрон уснащал свой рассказ таким количеством биржевого сленга, что понять его полностью мог только другой брокер.

Третий из друзей, Иван, был замерщиком из фирмы «Балконный материк».

Такой социальный люфт совершенно не мешал походно-спортивному товариществу — наоборот, делал его крепче. Иван был накачанным, коротко стриженным и симпатичным блондином невысокого роста — «до Крыма мог бы играть эфэсбэшников в Голливуде», как исчерпывающе выразился Тимофей.

Иван про свою работу рассказывал подробно и не стеснялся — но его сага была коротка.

— Сначала прихожу я. Вежливый. Ласковый. Предупредительный, пахнувший одеколоном и аккуратно одетый. Снимаю размеры, улыбаюсь и беру деньги вперед. Это самое важное. Когда спрашивают, почему все деньги вперед, я отвечаю, что раньше нам делали заказы, а потом не оплачивали. И мы с тех пор работаем только по предоплате... Люди обычно платят, и зря. Потому что через неделю к ним приходят сборщики. Суровые сильные мужчины, которые говорят «пенá» вместо «пéна» и пахнут рабочим потом. Они кое-как

присобачивают рамы к балкону на этой самой «пенё» и уходят, оставив после себя швы, дыры и криво торчащие из бетона болты. Заказчик в ужасе, но ему объясняют, что скоро придет отделочник — и все приведет в порядок. А еще через три-четыре дня, когда клиент уже начал привыкать к болтам и дырам, приходит отделочник. Уже откровенно уголовный элемент, который начинает клеить на швы и дыры какие-то пластмассовые полоски, сидящие так криво и страшно, что люди думают: «Э, да он просто придуривается, а сам хочет дожидаться вечера и всех нас убить...» И когда отделочник наконец уходит, они облегченно вздыхают, сдирают эти пластмассовые заплатки и улыбаются, видя перед собой привычные дыры, щели и болты... «Материк» в нашем названии — это не континент, а мат. Замаскированный «матерок», так сказать. Но никто сначала не догадывается. Вот этим и живем...

Свой домашний балкон Иван принципиально не стеклил.

Четвертый из походного товарищества, маленький чернявый Валентин, был социологом-евромарксистом и, как он всегда добавлял, социальным философом. Он попеременно носил майки с портретом Алена Бадью и эмблемой евро, а свою профессиональную сущность проявлял главным образом через комментарии к чужим рассказам. Сагу Ивана, например, он разъяснил Тимофею с Андроном так:

— Мы вчетвером — модель России. Новой России. Вот смотрите — один человек, условно говоря, работает. В том смысле, который вкладывали в это слово раньше. Этот человек — Иван. Я говорю «условно»,

потому что не работает на самом деле даже он, но он хоть как-то связан с людьми, которые работают. Он для этих монтажников и отделочников заказы собирает — и, возможно, даже кого-то из них видел. При этом он не особо их жалуется. И за дело, кстати, — работают они херово. Россия страна низкой культуры производства, потому что в ней в свое время растлили рабочий класс. Рабочих на самом деле не освободили, а поработили еще глубже, но при этом отвязали их физическое выживание от результатов труда. Они у нас до сих пор в этом смысле отвязанные, поэтому ракеты падают и все такое. И конкурировать с остальным миром мы не можем. Но работяги — пусть плохо, пусть коряво, — но что-то делают. А мы? Один ежедневно создает перед камерой невероятное напряжение мысли вокруг того, куда все двинется дальше — хотя оно никогда никуда не двинется, а останется на том же самом месте и в том же самом качестве. Другой торгует шортами, которых ни один из упомянутых монтажников и отделочников не то что не натянет на жопу, а даже и в гриппозном сне не увидит. Причем торгует в таких объемах и на такие суммы, что трудящимся этого лучше не знать во избежание социального катаклизма...

— А четвертый? — спросил Тимофей.

— Четвертый осмысляет опыт первых трех, — ответил Валентин с ухмылкой, — и с этого живет. Но кормит всех тот самый полуосвобожденный пролетарий, которого никак не могут нормально закрепить назад. Из всех нас его пару раз видел Иван. Пролетарий и балконы стеклит, и нефть качает, и электричество для биржи вырабатывает, и так далее... Приносит нам твер-

дые западные деньги — квинтэссенцию мирового труда. Остальная экономика, если не брать военно-промышленный комплекс, — это экономика пиздежа. Причем это слово имеет сразу три смысла — рукоприкладный, воровской и близкий к нему гуманитарный...

— Если бы ты понимал в мировой экономике побольше, — сказал ему Андрон, — ты бы так не говорил. Твердые западные деньги, чтобы ты знал, — это не квинтэссенция мирового труда, а регулируемый вакуум, который отжимает все у всех и тянет куда надо. Со всего мира. Но говорить про это в мейнстриме нельзя. У нас тут экономика пиздежа, а у них... Не знаю, таких комплексных деривативов в русском мате просто нет. Мы рядом с этими ребятами невинные лохи...

Тимофей подозрительно нахмурился, чувствуя поношение святынь, открыл было рот, но вовремя вспомнил, что он не на службе.

В общем, трудно представить четырех людей, у которых нашлось бы меньше общего, если не считать молодости — пожалуй, даже еще юности. Но одна совместная страсть у них все же была.

Трекинг.

Они познакомились в Непале на Латанге — в разреженном горном воздухе русские люди сходятся друг с другом легко и быстро. Потом, уже вместе, ездили на тропу Голицина, Софийские озера в Архызе, к Белухе на Алтай и еще на несколько маршрутов попроще. Мечтали, попав следующий раз в Непал, сходить к базовому лагерю под Эверестом — «возложить цветы», как шутил Иван.

Поездку в Кабарду даже нельзя было назвать трекингом в высоком спортивном смысле. Это был открытый расслабон и любование видами — «бухинг», как выразился Валентин. Заранее не наметили даже точного маршрута, решив все определить на месте.

В поезде до Нальчика изрядно выпили — и остановились на день в городе, чтобы прийти в себя (а если совсем честно, чтобы продолжить). В результате до базы «Долина Нарзанов — 2» добрались вечером следующего дня, уже почти в темноте, и протрезвели полностью только в горах.

Водитель схалтурил — высадил у крутой тропы, спускающейся от дороги, и сказал, что турбаза внизу. Но там оказался просто частный дом с реально злыми собаками, терпение которых не хотелось испытывать. Все же удалось поговорить с какойто старушкой — выяснилось, что поворот на турбазу проскочили и теперь надо вернуться на дорогу и спуститься по ней почти на километр вниз.

Друзья не роптали. Любой вечер в горах прекрасен, а на грунтовке было к тому же тихо — машины уже не ходили. Если б не рюкзаки, был бы вообще рай.

К турбазе шли молча — здесь совсем по-другому дышалось и думалось. Как обычно, каждый давал себе слово переехать когда-нибудь жить в горы, покончив с липкой городской сажеей навсегда, — а для этого, зажмурившись крепче, по возвращении в Москву вонзиться в сажу так глубоко и безжалостно, так эффективно и метко, что после этого последнего окончательного погружения... и т. д., и т. п.

Мысль была обычной для гор и одинаковой для всех четверых, словно их в очередной раз накрыло од-